

Константин Пресняков

Деревенский
МИЛЛИОН

18+

Константин Пресняков
Деревенский миллион

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пресняков К. А.

Деревенский миллион / К. А. Пресняков — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Новеллу написал философ, психолог, лекарь. Он окончил медицинский факультет МГУ им. Н.П. Огарева, работает на врачебных должностях в российском здравоохранении. Это его третья книга и первая художественная. Он автор более сотни научных статей по медицине, психологии, философии. В этом произведении затрагивается юношеская любовь в российском постсоциалистическом обществе. Молодая пара – музыкант и врач – оказались в глухой провинции, музыкант решает сыграть концерт на возвышении...

...в зале «Молодежном» прошёл джем-сейшен группы «Мысли вслух». Группу восторженно встречали поклонники. После вступительного номера появление на сцене лидера группы вызвало шквал аплодисментов и восторженные возгласы. Так ещё до начала самого выступления музыкантов встретили их поклонники. Три часа длился концерт, и он был достоин того аванса, который «выдали» им фанаты группы. В программе прозвучали как известные хиты группы, так и новые композиции.

«Джон гопс» музыкальный спецрепортер газеты
«Наш город».

... по слухам из музыкального подвала «кафе Музыкального артиста», известная молодежная группа «Мысли вслух», работающая в жанре социалистического реализма на современном музыкальном поле, совершила очередное успешное турне по залам и клубам среднего Поволжья. У неё имеется достаточно материала для записи первого их альбома, которого никак не могут дождаться поклонники группы.

Слухи собрал и донёс Михаил Несвязный

... по достоверным сведениям группа «Мысли вслух» не то прекратила своё существование, не то временно распустилась, из-за того, что гитарист Михаил Архангородский решил отслужить в Российской Армии.

Муз РИА Поволжья новости.

В городе даёт концерт скандально известная молодежная группа «Мысли вслух». Группа известна тем, что работает в жанре соцреализма, так охарактеризовал её стиль лидер группы. По сообщению кассира зала и данным Интернет сайта билеты уже все разошлись. Хотя ансамбль остался без лидера гитарной группы Михаила Архангородского, который сейчас проходит срочную службу в одной из воинских частей на Дальнем Востоке. По утверждению лидера группы «Мысли вслух», концертную деятельность не прекращает и ждёт своего гитариста для записи альбома.

Из интервью лидера группы
«Мысли вслух» газете «Молодой ленинец».

Это возвышение, называемое Маром,
расположено в глубине степной России
на 51°3' с.ш., 46°5' в.д.

По подскакивающей дороге ехал дощатый клеёный фигурный ящик в виде груши с ручкой на конце. Ручку венчала головка, выпиленная в виде древней лиры. От ушибов, пыли и влаги его предохранял футляр. Хотя «ехал» – это было громко сказано – его, конечно же, везли. Он трясся, и это было ему не впервой за двести пятьдесят лет, что он существует. И каких только он дорог не ощущал! И как его только не перевозили!!! Да и дорога эта не последняя для него. Когда только откроют этот нежный и мягкий футляр, обшитый изнутри бархатом, и дадут ему право голоса, он всем покажет, на что способен.

От небольшого райцентра, в глубине провинциальной России, отошёл рейсовый автобус Павловского производства, прозванный в простонародье «Пазиком». В этом автобусе ехали двое молодых людей, им уже было за двадцать, и они были молоды. Сила и Снежана тряслись в салоне автобуса, везущего их в деревню, их тела медленно покачивались в сиденьях, плотно закреплённых на амортизаторах при этом периодически перетряхивая на ухабах их внутренности. Но они, крепко прижавшись друг к другу, помогли себе перенести дорожную трудность.

В салоне время от времени от крепкого ухаба поднималась пыль, проявляя себя щекотанием в носу и видимым лучом света. После очередного подскока или провала они одаряли друг друга улыбкой оптимизма одновременно придерживая руками старый футляр с инструментом. Это он, Сила – музыкант, ехал за ней на край света. А ей, Снежане, и рай в шалаше грезился счастливым с ним.

Советская асфальтированная дорога давно уже не реставрировалась, поэтому на ней встречались и ямы, и вымоины, сильно наклоняя салон то в одну, то в другую сторону. Снежане областная губернская власть официально пообещала миллион рублей, при условии, если она, как специалист, будет работать на селе. Она молодая сударыня – выпускница самарского медуниверситета прошла специализацию по терапии и интернатуру по неврологии, а Сила её муж, услышав об инициативе губернской власти в соседней области, решил и её подбить на это дело. Хотя она из этого региона, но не очень хотела это делать. Она не сильно мечтала опять вернуться в сельскую местность. С трудом выбравшись в городской ВУЗ из сельской местности, не из глуши, но из села, грезилась себя доктором стационара. В свое время в районном городке она окончила медицинский колледж, а потом как отличница поступила на педиатрический факультет медицинского ВУЗа в крупном российском городе.

Вот она деревня, глубинка России. Школа, сельская библиотека, дом культуры и участковая больница, которую превратили в сельскую амбулаторию.

Им выделили зелёный выгоревшей окраски дом, так называемый «шведский», постройки счастливой советской эпохи. Дом этот когда-то был отдан также молодой докторше и её мужу, и они проработали около пятнадцати лет в этом селе. Но лет семь назад покинули село, после того как бывший председатель окончательно «ушёл» в фермеры из-за невозможности работать, уехали на заработки и они в Москву. На этот дом зарились многие из сельчан, прося его для своих детей, а точнее для новых молодых семей. Власть, в лице главы сельской администрации, твёрдо стояла на своём – дом докторский и в него заселится прибывший врач. И приказали соседям присматривать за домом. Не может крупное село, как их, быть без врача. Когда-то в селе была участковая больница на шестьдесят семь мест. И вот дом, наконец-то, дождался хозяев, и его передали им, вновь прибывшей семейной паре.

Силе Макаровичу, как свободному артисту, тут негде работать, но у него есть своя молодёжная музыкальная группа. Ничего, он решил, что поживёт на селе на её заработок. А потом они вернутся с миллионом в город. И этим своим положением он не тяготится. Что он будет делать здесь среди лесостепных диких Буртаских волков и красивых рыжих, но тоже диких, лис? Сила ещё не знал.

После ознакомления с местом своей лекарской работы Снежана даёт своему другу шанс: открыть в свободном помещении бывшей участковой больницы школу танцев, класс вокала или курсы игры на музыкальном инструменте. Дом культуры, ДК на официальном местном наречии или попросту клуб, закрыт. Когда-то, как им говорили, в советские времена сюда приезжали с гастрольями областные театры. Теперь клуб стоит под замком: денег нет ни на содержание, ни оплату ставки культуролога. Его открывает только библиотекарь для выдачи книг, кои сохранились от советских времен. Да, местный фермер дядя Коля по душевной доброте подбрасывает средства на закупку недорогих свежих любовных романов и детективчиков. Когда-то руководителя художественный самодеятельности содержал местный колхоз, он же закупал музыкальные инструменты, привозил кинокартины из районного отделения кинообъединения. Всё это было давно в золотые застойные годы советской брежневской эпохи. В комнате, которую открыла библиотекарь, оказались инструменты вокально-инструментального ансамбля. На них толстым слоем лежала пыль. Последний раз их брали лет семь назад, чтобы поиграть на свадьбе.

– Был тут когда-то один городской инициатор, он женился на местной и работал здесь, – пояснила ему библиотекарь. – В советские времена в колхоз приезжали фабричные шефы для помощи. Он был из этих, женился на местной девушке и остался здесь. Вот он сплотил местных ребят, кто был не равнодушен к музыке. И они давали живую музыку на некоторых праздниках и на свадьбах. А так село без музыкальных традиций, есть несколько гармонистов, что играют на свадьбах. Потом этот инициатор развёлся, и уехал мужичок, который держал в тонусе местных самодельных музыкантов, в неизвестном направлении. Но село это уникальное своей молодостью, – рассказывала библиотекарь. – Вы заметили, что на селе нет старых зданий, нет места для храма?

– Да, я это заметил. Я всё-таки бывал в селах, и везде есть фундамент от церкви или он приспособлен подо что-то, – сказал он ей.

– Село организовано только в советские времена. До этого здесь была только пара домов, да трехэтажное здание от имения барина – генерала, из свиты батюшки царя. Вот и всё. При барской усадьбе – сад, аллеи которого ещё можно наблюдать.

– А вот пруды?

– Пруды эти от царских времен. Последний раз их перед войной чистили, тогда музыки было много и помнили, как чистить пруды. Все пруды эти – искусственные, выложены хорошим крепким кирпичом. Но уже лет восемьдесят они в запустении. Их не спускали и не чистили. Те, кто знал, как и зачем это делать, погибли в войне с фашистами. Был один, который ещё что-то смыслил в этом искусстве, единственный специалист по очистке прудов, но он умер в марте 1953 года от воспаления легких в райбольнице. Как мне рассказывали, он планировал очистить, но не с кем было это сделать. Вот подрастали пацаны, с ними он и строил планы на будущее. Правда, здесь началась компания и многие из них стали разъезжаться из села. Но некоторые старожилы рассказывали, этот человек был родственником того самого царского генерала, и вроде как «не-закон-н-ым сы-ном», – с растяжкой и полушёпотом сказала она. – Его родственники живут и сейчас здесь. ... А те из мужчин, – продолжила она по прежней теме, – которые пришли с войны, были хворые и больные, а потом сюда понаехало из соседних сел тех, кто этих традиций не знал.

– Вот вы так хорошо всё знаете. Вы, наверное, из тех старожиллов?

– О! Нет. Просто мне по своей должности нужно было знать. Я с тех времен работаю, когда один из секретарей обкома партии, говорил, что нужно историей заниматься. Заставлял создавать музеи при школах и сельские... Вот и мне было задание, я и этим занималась. И многое что выяснила.

– То есть, истории нет?

– Да, у этого селения история только с 23 или 25 года прошлого века.

– То есть менее ста лет!

– Да, – подтвердила заведующая.

Сила качал от удивления головой. «Вот это да», – думал он про себя.

– Здесь была барская усадьба генерала. Вот при нём был заложен сад фруктовый, – указывала она в окно со второго этажа этого ДК. – Там малина, вишня. Сливы, яблони. Аллеи. Их ещё и сейчас можно заметить. Теперь они застроены сараями, хлевами, калдами, курятниками, ... а так народ приезжий в своей массе, – рассказывала ему библиотекарь. – Я-то сама окончила библиотечное отделение института культуры в Самаре. Молодое население: только первое, реже второе поколение. Теперь в демократические капиталистические времена ни местным горе фермерам, ни московскому владельцу земель преднамеренно разоренного колхоза нет дела до селян. «Олигарх» только собирает дань с арендуемых земель. Островок демократии лишь в комнатах сельской администрации – бывшего помещении сельского совета. Вы село наше осмотрели?

– Да не совсем, а что здесь смотреть?

– Ну, в принципе, это не город, смотреть нечего. Разве что по саду пройти, который взяли в аренду бывший главбух и главный семеновод. Пруды наши заиленные. Леса! В них даже заблудиться нельзя. Бывшие фермы скотного двора вряд ли Вас заинтересуют. У нас даже известных более менее уроженцев нет. Ну, какого-нибудь там самородка художника, писателя, героя войны. Вон с Белогорья, это село в сторону мара, там хоть уроженец стал генералом. А здесь ничего и никого.

– Прямо так и никого.

– Никого. Если пойдете на наше кладбище, то увидите, какое оно маленькое и не древнее.

– А это, мар, что это такое?

– Это холм, возвышение, местная гора, одним словом ма-ар, – протяжно произнесла она последнее слово. – Вот если на него сходить или съездить. С него красивый вид открывается. Меня муж несколько раз туда возил, красиво. Он у меня шофёром работал, а теперь..., – махнула она рукой. – И мне на нём нравится бывать. Муж не понимает, что там такое интересное. Чтобы не скучать, побывайте там, – предложила она. – Просто красиво и вдохновляемо.

– Обязательно, – пообещал он.

И вскоре Силе такой случай представился. Снежану вызвали в то село Белогорье, и он случайно узнал об этом, она проговорилась, чтобы он сам один обедал. Он упрямился его забросить его на это мар, хотя водитель планировал ехать другой дорогой. Но он пошёл на поводу у докторши и провёз их туда, а его высадил. А сами они отправились дальше.

Мар оказался холмом, полукруглой формы, с более крутым обрывом на южной стороне. На вершине он обнаружили металлическую конструкцию, указывающую самую высокую точку. Вид на самом деле был потрясающий. Слегка засеянное искусственно елями возвышение, которые уже несколько десятков лет проросли. Под ногами он увидел множество самых разнообразных трав, которые, он с трудом, вспоминал из своей школьной поры. И много ковыли... Сила и сидел, и стоял, и обходил, рассматривая разные стороны с холма и на самом деле ему было хорошо в этом месте. Простор степи он ещё никогда так не рассматривал внимательно далеко, далеко...

У него в голове роилась мелодия, рождаемая воем ветра на вершине, криком птиц, стрекотанием кузнечиков, ... и тёплым поднимающимся воздухом....

Теперь в демократические капиталистические времена ни местным горе-фермерам, ни московскому владельцу земель, до преднамеренно разоренного колхоза и до селян нет дела, – вспомнил он слова библиотекарки. – «Олигарх» только собирает дань с арендуемых земель. Островок демократии существует лишь в помещении сельской администрации – бывшем помещении сельского совета. Как-то приезжал бывший селянин, который ещё в советские времена уехал на Украину на побережье моря работать, в какой-то портовый город. Он устроил здесь в местной колхозной столовой малое предприятие по изготовлению йогурта, сметаны, сливок и отправлял их в города. Но поставил управлять местную бабу, которая его обворовала.

– Как это так?

– Она получала молоко от селян, а потом перестала платить им за сданное ей молоко, – поясняла она. – А хозяин этот остановился в Саратове. Он приехал, его задержали и в суд. Суд присудил им выплатить за молоко. А это баба как бы ни причём. «Я делала всё, как он велел». Вот так и остались мы ни с чем. Полгода мы получали хорошего качества и йогурт, и сливки от него, пока он сам здесь устраивал это своё предприятие. А потом уехал и её назначил. А она стала верховодить. Вот сейчас и стоит оборудование в столовой. У него ведь родственники здесь живут. Правда, пенсионеры. Нельзя баб ставить руководить – всё дело проворачивают, – вспоминал её речи Сила.

Светло-жёлтая зелень подходила к возвышению, которая выделялась холмом на степной равнине. К холму прямой линией вела практически малозаметная грунтовая дорога, а на его вершине она терялась в зелени. На вершине возвышения, называемой местными жителями «Маром», виднелись обильно растущие деревья и, по-видимому, хвойные. По обочине дороги местами можно было различить траву. Наступивший сентябрь заставил поблёкнуть ту зелень, которая буйствовала ещё несколько недель назад, превратив её в бело-зелёную даль. Всё чаще и чаще набегали светло-серые облака, которые иногда проливались холодными каплями осеннего дождя. –

Вечер сменила ночь как-то внезапно: заголосили петухи, возвещая о наступлении полуночи.

– Что это петухи раскукарекались? – спросил молодой муж свою всезнающую жену, за которой он приехал в эту сельскую глушь.

– Наверное, большой какой, или у них привычка такая тут, – устало ответила она ему, засыпая на его плече...

Он, Сила, упросил водителя Володю, дочь которого стала ходить к нему на уроки, отвести его на ту гору с юга села, заинтересовавшую его.

– Да чего там. Ничего особенного. Есть вышка, это знак определения верхушки и точные координаты верхушки. Вот и весь этот мар. Когда в молодости мы туда на лыжах ходили, там коротенькие сосёнки росли. Сейчас они подросли. Мы школьниками пешком ходили туда и оттуда. За горой, за маром, там небольшой прудик и полевой стан для механизаторов. Вот там механизаторы и трактористы в страду обедали и мелкий ремонт делали. Поэтому через этот Мар мы часто пешком ходили или на велосипедах ездили к отцам. Вид там интересный для нас, пацанов, был. Сейчас ...

– То есть вы туда пешком ходили?

– Ну да!

Утром он заехал за ним, и они отправились на Мар.

– А почему вы его маром зовёте?

– Не знаю, – пожал плечам Володя. – Так все говорят. Я с детства слышу: «Мар, Мар»...

Они тихо въезжали наверх. Практически на самой верхушке – лёгкий изгиб, после чего дорогу пошла уже вниз. И он в очередной раз был доставлен на это возвышение.

– Вот тут, наверно, мы остановимся, выйдем и посмотрим, что тебя здесь заинтересовало... – выйдя из салона, они пересекли дорогу и слева стали подниматься на самую вершину. Тут он заметил металлический каркас географического знака.

– Эх, да ты в кроссовках! – удивился Володя.

– А что? – Сила непонимающе посмотрел на него.

– Если честно, то из наших ребят сюда никто не забредает без кирзы. Молва идёт, будто здесь змеи водятся. Поэтому летом мы сюда не ходили мальчишками. Зимой-то их нет. А когда стали взрослыми – только в сапогах.

У него где-то в душе зародился страх. Но он помнил, что пресмыкающиеся там, где вибрация не живут. А дорога, он видел, накатана была хорошо.

– А сколько раз в день через эту дорогу на машинах проезжают? – спросил он Владимира.

– Не знаю. ... Дак... этак, ... а зачем тебе это?

– Если машины часто проезжают, то от вибрации пресмыкающиеся жить здесь не смогут. Они не выдерживают сотрясения.

– Так здесь за день К-700 проезжает раза два точно! ... А уж грузовики – раз десять, ещё легковушки в райцентр через это проезжают. Не город, конечно. Ну, раз тридцать туда-сюда за сутки это точно. В советские времена, когда колхоз работал, то и того часто.

– Ну, тогда пошли, – успокоил он больше себя, чем Владимира.

Они подходили к вершине, поросшей сосняком. Между сосёнок росла степная трава, да любитель степного ветра – ковыль.

– А сосёнки, я так думаю, искусственные посадки, – он обратил внимание своего спутника на ровный ряд росших хвойных деревьев.

– Да я не помню того, чтобы здесь сажали.

– Ну, ты смотри, они ровными рядами растут. Так ведь только по линейке могут высаживать.

– Ну, может быть, – согласился с ним Володя.

– Ты лучше посмотри, какой вид! – указал ему Сила.

И чем он больше открывал глаза от ног и земли, всё-таки где-то страх у него был из-за слуха о змеях, тем больше он начинал волноваться от открывающей красоты дали.

– Слышал я, что однажды кто-то привозил крутой морской бинокль и смог рассмотреть в него даже какие-то города. Я таким биноклем не владел, не могу сказать, правда, это или просто развод лохов.

– А здесь очень крутой спуск. Мы ведь поднимались с северной стороны? – спросил он Владимира.

– Да! Это все знают, что южный склон здесь круче. Поэтому мы сюда на лыжах поднимались, чтобы потом вот с этого южного склона скатиться, как с горы. Мы это знаем.

Сила крутился на вершине горы. – Ну, видишь?! ... Какой вид!.. Какой горизонт! ... Видище какое!

Вечером, они вместе уже лежали в постели. Снежана, прижавшись к нему, спросила, не скучает ли он по своей музыкальной деятельности.

– Ты знаешь у меня, кажется, рождается гениальная идея.

– У тебя всегда они рождаются. Только вот я боюсь, что твоей идее стать известным музыкантом, я мешаю. Теперь ради меня ты застрял в этой дыре. Когда мы ещё миллион получим? А у тебя уходит время.

Он рассказывал свою идею:... – Ты спишь? ... Ты меня не слышишь? – спросил он её в очередной раз и услышал мирное, тихое дыхание. «Эх, такую идею я тебе рассказал, а ты не понимаешь, что я задумал», – проговорил он почти про себя, чтобы не разбудить свою любимую.

Он вспомнил, как бегал к ней в Арцибуховскую тюрьму, так называли общагу студентов-медиков. Ему тут вспомнились сергеевский стих, говорят, его когда-то написал студент-медик своей любимой, тоже доктору, не то жене, не то невесте. И тихо стал читать.

.....
Помнишь в юности нашей далёкой,
Институтской прекрасной поры,
В коридорах общаги толкались,
Арцыбушевской старой тюрьмы

Арцыбуха родная манила
Студиозусов джинсовый стиль.
Танцевали под «Битлз» мы упрямо,
И бежали смотреть водевиль.

Там за Волгой в вечерней прохладе,
Сбросив зной уходящего дня
Под аккорд разбитой гитары

Пела песни со мной у костра.

.....

– Ну ладно, давай будем спать, – проговорил он всё также тихо и поцеловал её в милый лобик.

Через пару дней он сам пришёл на мар пешком. При этом он пришёл рано утром с гитарой и флейтой и парой пластиковых бутылок с водой «Кувака». Расчистив себе площадку рядом с металлической вышкой, обозначающую наивысшую точку, он сложил из хвороста костёр, окопав почву, сел и стал играть то на струнах, то на духовом. Звук музыкальных инструментов разносился далеко, будоража его плоть. И ему было приятно ощущать, как его музыка летала над широким простором. Вскоре он стал замечать как много на этой вершине живности. Вот где-то рядом стрекотали стрекозы, чирикали воробьи и хлопали крыльями стрижи. Высоко в небе кружились ласточки. Шелестела ковыль, а по листьям растений ползали муравьи и какие-то жучки. На ветках елей присели птички, раскачивая и дополняя звук в акустику пространства. Слышен был свист, вой ветерка. На бледно-голубом прохладном небе плыли редкие высокие белые облака. Немного поиграв, он ощутил, как снизу его поднимал нагревающий воздух движением верх. И чем дольше он играл, погрузившись в музыку, тем меньше он ощущал опору для пятой точки. Утолив жажду водой «Кувакой» он продолжил дальше наигрывать. Вдали показался легковой автомобиль, который медленно приближался к вершине. Вблизи он оказался «Нивой» жёлтого выгоревшего цвета. Не останавливаясь, автомобиль оказался справа за его спиной, и вскоре звук его мотора уже пропал. Играя, он поздно заметил, как из-под возвышения вышла лошадка, сбегаящая под гору с открытой тележкой, на которой сидели трое человек. Оказывается, это возвышение жило своей жизнью. Солнце уже уходило на запад, но было ещё высоко, когда он решил отправиться в селение Дубровское, а то жена будет беспокоиться. Он сходил с холма и долго, долго шёл, периодически подкрепляя себя «Кувакой».

Через неделю он стал обзванивать своих друзей, ребят, кто с ним работал в команде «Мысли вслух» и предложил необычный концерт. Есть, мол, небольшая гора, точнее холм среди полной среднерусской равнины. Называется мар – одним словом. И там можно сделать мощную концертную программу, для которой написано несколько композиций.

– А где это?

– Это почти на краю Земли.

– Туда хоть можно добраться?

– О, да!

– А как?

– По воздуху, аки птицы.

– Слушай Макарыч, у тебя «крыша» не прохудилась в российской глухомани? Ты что такое говоришь?

– Вот я сейчас сижу здесь и говорю с тобой. Если у меня «поехала крыша», значит и у вас она поедет. Это такое место! Отсюда вид. ... Отсюда я знаю и вижу, что ты делаешь. ... Ты сейчас крутишь у виска и показываешь на трубку смартфона Маринке мимикой, что я сошёл с ума. А зря! Приедешь, сыграешь, и твоя восторженность уйдёт не только в космос, но отсюда по всей Земле разнесётся.

– А что это такое Мар?

– А я сам не знаю и местные не говорят. Попробуй поискать по словарям и энциклопедиям. Мне-то сейчас некогда. Ну, вы приедете принять участие? ... А для Маринки я тоже найду здесь место в этом действе...

Коллеги его команды стали наведываться к ним, посмотреть, как Сила Макарыч устроился с женой на новом месте. Добраться оказалось, для тех, кто имел свой автомобиль, легко. По классическим российским мерками, поселение можно было назвать деревней, так как в нём не было христианского храма. По этническому составу превалировали русско-мордовский этнос с небольшой чувашской примесью. Говорили, что здесь даже одна татарская семья жила. Хозяин-татарин был парторгом, затем председателем колхоза, а потом развалили всё. У него было два сына. Один где-то под Москвой с русской женой живёт, другой – с черноволосой русской женой в областном центре устроился. У второго сына жена больше была похожа на татарку, чем его сын.

Вот однажды приехавшие ребята и разговорились друг с другом.

– А ты знаешь, что такое русский человек? ... – сказал один из них другу.

Тот неопределённо пожал плечами.

– А я знаю. Русский – это значит рыжий.

– Откуда ты взял, что русский означает рыжий? – ехидно ухмыльнулся Сила.

– Это по цвету волос. Есть же негры, чёрные по коже. Есть белые. А есть русые – рыжие по цвету волос. Вот русские это и есть рыжие. Русский – это рыжий.

– С чего ты это взял? Почему это русые и рыжие одно и то же?

– Есть труд какого-то философа, ... западного, так вот он исследовал первых европейцев.

И установил, что первыми были рыжие люди. А рыжие занимали всю Европу. А потом их выдавили на север черные люди эллины, понтийцы, эллинойцы из передней Азии. Это уже смуглые чёрные и рыжие остались там. А слово рыжий появилось из того, что если латиницей писать русский, в смысле рыжий, то оно пишется как рыжий. Буквы ы в латинице нет и звука нет. А у потомков фраков сарматов и кельтов есть, в том числе и русских, звук ы есть. А писать как-то надо рыжий, вот он писался Russ, что значит рыжий. Так вот я ощущаю, что здесь на этой... как его Мар, мару, захоронен Великий Русский древности. И я хочу отметить тризну на его могиле.

– Да ты что! Ты это... всерьёз русский это значит рыжий?

– Я свихнулся!? Ты хочешь сказать об этом? Нет, ты просто не знаешь культуры нашей. Ты знаешь, что такое христианский алтарь? Это место совершения магических действий на костях святых ...

– Что-что?.. Ты что, это всерьёз?

– А ты что не знал, что христианские проповедники свои магические действия совершают на костях Великих святых? И под их алтарём находятся плоть святого. Чем больше величия у святого, тем сильнее и крепче происходит магическое действие. Такие вот речи велись, когда приезжали ребята.

Не единожды Сила делился со своими ребятами желанием сыграть на вершине мара музыку.

Тут же один из них набрал номер по мобильному телефону, и сказал Силе, этот человек, который любит необычные джем-сейшны.

– Вот и я хочу совершить это действие на могиле Великого святого, Великого русского святого. Ты не представляешь, какое это место! Степь, русская степь, ... – напел мотив известной песни в конце их телефонного разговора.

– Да это же стихи Инны Гофф! – послышалось в трубке телефонного аппарата, – ты что, уже плагиатом занялся там, в своей деревне?

– Верно, и это произведение будет вставлено. Здесь будет звучать вся музыка русская и мне нужно собрать большую команду. Зрителей не будет. Будут музыканты. Точнее будет только русская музыка. И я совершу Великое симфоническое действо на Мару. Если ты согласишься, я тебе вышлю твою часть нот.

– Слушай, а там остановиться есть где, если собираешься столько человек собрать?

– Попробуем. Но если захватишь палатку, то это будет ещё лучше. Кто-то приедет без неё.

Но учти, там последние двадцать километров нужно будет пройти пешком, неся инструмент и костюм на руках. Самое главное инструмент! Нельзя везти его, нужно нести на руках последние двадцать километров.

– Ну, ты даёшь! Это что за глухомань такая, куда даже транспорт не ходит?! Или условие у тебя такое?

– Это не моё условие. Это не я такое дал. Ну, ты не расстраивайся, у тебя ещё нечего...

А вот как мне быть с фортепьяно? Мне нужно его как-то сюда доставить.

– Да ты что?!

– Это условие...

– Ну, это будет интересное мероприятие. Да! Я даю согласие. Я буду. Может, кого еще сагитировать, на это?

Из рук Силы выхватил трубку хозяин телефона и сказал, крича вдогонку:

– Агитируй, места чудные, природа чудная. Степь, небольшой лесок, но нет водоёма, то есть, нет реки, это не бардовский, это чисто музыкальный сейшн будет. Давай ждём от тебя известий.

– Всё, Силыч, этот чувак на аркане, но притащит человек десять точно.

Сила упросил фермера дядю Коля, как для себя определил он его, взять их в машину. Его жене нужно было быть в ЦРБ, её вызывали. Так как освободилась из оргметодкабинета, куда приезжала его жена. Пока дядя Коля заезжал по делам то в одно, то в другое место, он ездил вместе с ним.

– А ты что-то затеял? Слух идёт по селу, – завёл разговор дядя Коля, когда они ждали его жену у больницы.

– Дядь Коля, я сам-то ещё не успел подумать, а Вы уже знаете!? ... Я решил организовать концерт для музыкантов на воздухе, – ответил ему Сила.

– Так ведь не заработаешь же ничего.

– Дядь Коля, ... понимаете... для музыканта иногда не нужно зарабатывать, иногда он просто хочет раскрепоститься и выплеснуть из себя... как индивидуально, так и в группе. То есть послушать себя, побыть в звуке. И поэтому часто музыканты играют там, где, как в поговорке, Макар телят не пас. Так вот и это. Это для него самого для музыканта... Истинный музыкант это такой сдвинутый по фазе индивид, которому комфортно в звуке и особенно гармонично в существующих звуках. Поэтому приедут истинные музыканты, для которых звук это всё. Вот увидите.

Они ездили по райцентру, по делам дяди Коли фермера и он рассказывал о жизни сельской.

– Понимаешь, в девяностые годы я был председателем этого колхоза. Был молод. До этого был управляющим того села за маром. ... Потом меня избрали в правление, ... а затем колхозники меня выбрали председателем. В девяностые годы, когда нас целенаправленно банкротили, мы смогли построить дорогу и протянуть газопровод. Планировали, сколько заработаем денег на газ, то есть нужно провести газовые коммуникации по колхозу. Дорога нам нужна была, твёрдая асфальтовая дорога, по которой мы ездим в райцентр и сейчас. Премии колхозниками.

– Выходит, советская плановая модель экономики была правильной? – спросил его Сила, поглядывая в лобовое окно автомобиля фермера.

– На Западе, между прочим, – каждый президент корпорации имеют планы на десять лет вперёд. Фирма поменьше руководствуются пятилетним наброском, директор завода мыслит

трёхлетним планом. Ежегодный план, как правило, сверстан, скажем, в Японии и для простого рабочего. Между прочим, это всё они переняли у нас, у советской системы... И мы, когда газифицировали деревню, провели и дорогу за мар, крепко привязали то село к центральной усадьбе. ... В бандитские девяностые ... – дядя Коля хотел продолжить, но его перебил Сила.

– Вы были председателем колхоза? – уставился он на дядю Колю.

– ...!? Да. Что, не похож ... я на председателя? Моё отделение было одним из лучших.

– Я почему-то думал, что фермеры другие, – сказал он, рассматривая его загорелое, с лёгкой щетинкой овальное лицо, с чистой зелёной радужкой глазных яблок.

– Какие это другие российские фермеры, ... вроде американских ковбоев? ...

– Ну, если не американских, то что-то типа французских или английских, или ... мексиканских. Нет, наверное, канадских.

– А ты видел канадских?

– Если честно, я не видел и не знаю ни тех, ни других, ни третьих. Только в американских фильмах.

– А, всё понятно...

– После того как Ельцин стал президентом. ... Ты хоть знаешь, кто такой Ельцин? – спросил дядя Коля.

– Да, конечно! Это первый президент Свободной демократической России.

– Ну, пусть так. Так вот он поставил Егора ...Гайдара, и тут же издал указ. Тогда мы стали жить по указам, а не по постановлениям. Этот указ предусматривал в кратчайшие сроки расформировать колхозы-совхозы и создать фермерские хозяйства. У нас в области были на тот момент сильные коммунисты и у власти до девяносто восьмого года были они. Область входила в красный пояс. И у нас губернатор того приказа не послушался, мы поставляли мясо, молоко, пшеницу, овощи в областной фонд. И народ кормили. Хотя нас эти демократы-бандиты кинули.

– То есть, как кинули?

– Ну, самым натуральным способом. Нас селян, как колхозников, так и рабочих совхозов, просто кинули. Если говорить по бандитским понятиям. Три года нам вместо денег Гайдар давал чеки урожаяев 90, 91 и 92 годов, а потом Егорушка их простил нам.

– То есть, как простил? ...

– То есть он ... кинул. ...

– Да не может быть такое?

– Эх, молодой человек, ... плохо вы знаете историю. Тогда ведь даже прокуратуру подключили, чтобы нас разорять.

– Как?

– Прокурорам дай задание, так они носом пашню будут пахать, но задание выполнят, не смотря на нарушения закона. Хорошо, что в те времена в Думе, в Москве от нашей области был депутатом сам прокурор. Он приехал, проехался по области, проговорил с прокурорами. Пристыдил их или ещё как там. Не знаю подробностей. Но на нас не так стали давить, как в других областях и республиках. Оставили нас в покое. Но, в результате у нас перестали закупать продукты для федерального фонда, а только для областного. А что значит для областного? Это – для школ и больниц. Некоторые воинские части закупали. То есть шёл какой-то товарообмен: продукты – деньги. Часть заводы закупали для своих столовых, ... но у нас оставались излишки. Эти излишки в кавычках, которые мы готовили для федерального фонда. И мы стали его сокращать. Куда его девать? Да, у нас не было мест хранения и не было переработки. Молоко ведь хранить нельзя: его либо сразу продавать, либо на кисломолочку, или в творог и в масло перерабатывать. В колхозах этого не было. Мясо тоже нельзя хранить.

– А если в колбасу переработать?

– Да, только в райцентре был один мясокомбинат, но он – маломощный. А раньше в федеральный центр поставляли, охлаждали мясо и в Москву гнали. Я тогда стал колхозником выдавать натурал вместо зарплаты. Режем коров – отдаю зарплату мясом, они, кто подальше, стали его коптить и на рынок вывозить. Но вывозить, это хорошо у кого были собственные легковушки. На рынке стоять надо, а тут беспредельщики. Рынок захватывали бандиты... Настоящие кавказские бандиты. Либо они тебя пристрелят, либо всё отберут. В середине 90-х помнишь, какая война была? Сколько погибло, пропало. Это всё попало в бандитские жернова гайдаро-ельцинской демократии. Главная опора в производстве зерна – материально-техническая база. Во время передела собственности вспыхнуло, как инфекция, массовое банкротство колхозов и совхозов, а затем и вновь созданных крестьянско-фермерских хозяйств. Тысячи их прошли процедуру в кавычках финансового оздоровления, а в действительности – просто распродажу имущества. У нас уничтожили 76 тракторов, 80 зерноуборочных комбайнов, других нужных сельхозмашин. Если у нас в 1990 году на один трактор была нагрузка 9,5 га пашни, то нынче – 25,5, на комбайны соответственно – 15,5 га и 40,0. Это же какая нагрузка на технику, а она тоже изнашивается! Ведь на селе нет денег, чтобы закупать новые машины. Власть еще не расплатилась с нами по чекам 90-х. Да и диспаритет цен, горючка, электроэнергия, газ, железо-запчасти, сами машины дорожают, а закупочные цены на продукцию сельского хозяйства остаются прежними или даже снижаются. Да, стоимость продовольствия растёт! Но не у нас, не у сельчан. Прибыли оседают в карманах посредников, различных «зернотрейдеров» и прочих торгашей.

По стране полтора миллиона машин разрезали электро- и газосваркой, несколько миллионов тонн высококачественной стали за гроши достались Западной Европе. У нас ведь мелиоративные трубы выкапывали, электрические провода отдирали и увозили! Были ликвидированы мощные федеральные системы, предприятия по обслуживанию сельского хозяйства; «Сельхозтехника» – по ремонту тракторов и комбайнов, «Сельхозхимия» – по внесению удобрений и пестицидов, «Росколхозстрой» и «Сельстрой» – по строительству домов, зданий на селе. Все было отработано, как в той же Германии, где я бывал и видел.

– А вы коптить не могли? – уточнил Сила.

– Молодой человек, это же в промышленных масштабах! Так вот, это индивид мог в бочке от силы килограммов пятьдесят прокоптить. Колхозу пару тонн прокоптить не под силу. Индивидуально и промышленно – это разные вещи. У нас не было возможностей. Что можно в частных условиях? – взволнованно рассказывал дядя Коля. Когда мы были уже готовы пойти на это! Не было Росколхозстроя, кто бы нам построил коптильню по правилам.

– Что значит в бочке? ... А. ... Помню. ... Я тогда уже начал учиться в С-ре в институте культуры. Помню эти бандитские разборки, – сказал Сила, вспоминая те годы.

– Как известно, половина успеха в сельском хозяйстве – селекция, семенной материал, породы скота. Оставшиеся пятьдесят процентов – механизация. В результате отсутствия должного количества техники Россия ежегодно теряет более 20 миллионов тонн зерна, миллион тонн мяса, 7 миллионов тонн молока. Производительность труда в нашем АПК в 6-9 раз ниже, нежели в западных странах, а энергозатраты – в 2-3 раза выше. Не нужно забывать, мы холодная страна и нам дополнительно нужно обогревать коровник. Немцу не надо. Тем более французу или итальянцу...

– И к нам братва приезжала сюда ... – продолжал дядя Коля. – Слава богу, как-то мы отвертелись. И я смог провести тогда и асфальтированную дорогу в село за мар, и газопровод. Не знаю, почему, мне это удалось. Но здесь ушёл коммунист-губернатор, а пришёл демократ-губернатор и пошло... фермерство, фермерство, фермерство. Работать не стали давать. Так что, те чеки «Урожаев» 90, 91, 92 годов и повисли, а нам там порядочно миллионов должны были. Только нашему колхозу за те годы чуть меньше миллиарда рублей должны.

– Фи-и-ть, – присвистнул он.

– Вот и свисти. Вон идёт Снежана Оттобальдовна, сейчас поедem, – уважительно сказал по отношению к его жене-доктору дядя Коля, выскочив из салона ей на встречу ...

После того как Снежана Оттобальдовна уселась, они тронулись. На выезде из райцентра у молокозавода голосовали односельчане. Дядя Коля вышел поговорить о помощи:

– У меня только одно место, если вот сумки забрать и до дома довести – это могу. Или вот мальчишку забрать? – доносилось до них их разговор. Втиснув ещё пару худеньких пассажиров, дядя Коля тронулся домой.

– Вы знаете, что в том селе очень хороший самодеятельный хор? Один из лучших хоров области, – продолжил разговор дядя Коля, как только они отъехали подальше.

– Нет, мне ещё никто не говорил об этом, – ответил он дяде Коле.

– Там директор местного клуба, Дома культуры, его поддерживает. Сейчас он уже старенький. Но своё дело делает умело. Хор несколько раз становился лауреатом областного конкурса самодеятельности. Народ там постоянный, репертуар тоже. Хотя они регулярно пополняются.

– Нужно как-нибудь послушать. Может, пригодятся.

– Смотри, твоё дело, – напутствовал его дядя Коля.

– Мне нужно туда съездить, посмотреть, как там организовано, – сказала Снежана Оттобальдовна.

– Обязательно, там народ хороший. Я ведь там управляющим одно время был, по-современному менеджером, – уточнил дядя Коля для неё. – Правда, сейчас всё в работоспособном состоянии, то есть не пенсионеров все меньше и меньше. Хотя на селе, возможно, скоро никого не останется: каждый год столько человек, в основном молодежь, уезжает в «город». Где сельский класс? Колхозник или сельский рабочий, или по-новому класс сельхоз производителей так называемых фермеров. Где общечеловеческие или мировые ценности: порядочность, честность, сознательность, солидарность? О производительности труда власть как-то упоминает, но «новые русские» слов таких даже не знают. Собственно даже, цена на нефть – это чисто спекулятивная цена, не в смысле философском, а в экономическом, основанная на психологии, а вовсе не на математических расчётах. Спрос на нефть изменяется на 1–2–3%, а цены гуляют в разы. Точно так происходит и на фондовых рынках: цены акций не отражают никакой экономически хозяйственной реальности, они живут в своём собственном мире. Сегодня в западной так называемой рыночной экономике – искусство наживы, правят бал спекулянты. А в спекуляциях главное – психология. Так что цена может подняться и опуститься от слуха, сплетни. Это позволит нам залатать дыры и опять кое-что накопить, что и составляет нашу незатейливую мечту...

Дорога была прямой, но приходилось на ней петлять из-за ям и выпавших кусков асфальта. ...

В очередной раз они вместе со своей половинкой уже лежали в постели. Снежана, прижавшись к нему, в очередной раз спросила, не скучает ли он по своей музыкальной деятельности.

– Ты знаешь, у меня, кажется, рождается гениальная идея.

– У тебя всегда они рождаются. Только вот я боюсь, что твоей идее стать известным музыкантом я мешаю. Теперь ради меня ты застрял в этой дыре. Когда мы ещё миллион получим? А у тебя уходит время.

– Ничего страшного. Ты знаешь, Юрий Айзеншпис даже в тюрьме посидеть успел. А своего не потерял. Даже обогатился. И я посижу на земле рядом с тобой, – он тут поцеловал её, – и у нас всё будет. Конечно, это миллион нам не помешает. Ты только не обижайся, что я иногда отлучаюсь по делам группы. Её тоже нужно поддерживать в тонусе. Да и мне нужно бывать на тусовках, давать интервью, в общем, светиться. ... Но я не про это. Я же хотел тебе сказать о

своём проекте... – Он поудобней лег на спину, она уложила свою голову на его плечо. – Знаешь, вот ... у меня родилась идея... На мару, это вон гора, которая видна из окон. ... Там бы устроить концерт без слушателей для духа русской степи.

– Для кого? – спросила Снежана, не поняв его слов.

– Для Духа русской степи, – тихо, но твёрдо сказал он.

– У тебя какие-то языческие идеи, – сонно ответила она ему.

– Не языческие, а ведические, – уточнил он. – Где-то сказано, что мар – это рукотворный холм. И в его основании имеются могила или человеческие захоронения, наверное, так более правильно. Не то князя, не то великого русского ... или предка русских жреца. Так вот я хочу устроить на вершине этого мара поминальную тризну.

– По кому? По Жрецу? Захороненному ... ещё до нашей эры, – с усталой улыбкой произнесла она. Он же её усталость ощутил по её полусонному голосу.

– Ну да. ... Эх, ты у меня прожжённая материалистка, – сказал он ей и губами потрогал её висок.

– Да, материалистка, мы медики большие материалисты с мистическим наклоном-и-и...

– У меня рождаются, ... какие произведения нужно включить, – продолжал он развивать свою фантазию перед женой. – Пригласить музыкантов, создать музыкальный коллектив из русских музыкальных инструментов, вокал басовитых мужчин.

Я почувствовал, что нужно вставить бородинскую основу в программу и на неё, как на верёвочку, нанизывать другие темы. Представь, вторая часть струнного квинтета Бородина песня «Вижу чудное приволье» и ты сидишь и играешь на просторе! Дальше бородинская Богатырская симфония, мотивы эпической части, я ещё не понимаю, но их нужно вставить. Первая часть – могучая унисонная тема в исполнении гитар, хотя у него там другие инструменты. Но кто мне на спине притащит виолончель!? Никто. А там, на семиструнной гитаре можно эту грузную, кряжистую музыку воспроизвести. И дополнить деревянными духовыми. Аранжировать широкую вокальную мелодию в исполнении виолончелей для гитары и показать раздольную русскую степь... вставить темы из современных песен. Вторую часть Бородинской «Богатырской» тоже взять, там такое движение стремительное скерцо, вырывается из глубины басов на фоне повторяемой валторнами октавы, а затем несётся вниз, словно «не переводя дыхания». Здесь, конечно, тема звучит несколько мягче, хотя и она сохраняет мужской характер. И там синкопа. Синкопа создаёт ритм быстрой скачки коней по бескрайним русским степным просторам. Потом идёт восточная тема, брать её или не брать, ещё я подумаю, не хочется, но нужно продумать. А далее средний эпизод невелик – и возобновляется стремительный бег, постепенно угасая, словно уносясь в неведомое. А тут Образ Баяна – легендарного древнерусского певца, носит повествовательный характер и разворачивается в плавном, спокойном движении. И включить из богослужения знаменитую Херувимскую песню, вокально, акапелльно! Аккорды гитар имитируют перебор гусельных струн. После нескольких тактов вступления, интонируемого кларнетом, валторны запевают поэтическую мелодию. Я думаю, из духовиков кто-нибудь, откликнется, – сказал он ей. – Потом звук ощущения угрозы, сгущается тревожность. Как лёгкий быстрый летний дождь проходит и восстанавливается первоначальная ясность. Сюда вставляются некоторые фрагменты темы из других произведений, можно «Полёт шмеля» Римского-Корсакова. Чудесным лирическим эпизодом, в котором основная мелодия звучит во всей полноте своего обаяния, заканчивается часть.

– Сила, – спросила она его почти сквозь сон, – ты рок музыкант или классический музыкант?

– Я же классическое музучилище окончил. А потом ещё и институт культуры по программе консерватории! Снежана, ты меня обижаешь. Я что просто так организовал коллектив ребят, подбираю абы как? Ты что не веришь в мои музыкальные способности?

Сила замолчал, слушая, как она посапывала, уже, по-видимому, спит.

Снежана понимала, не было проблемы хуже той, которая сломала бы мужчину. А он твёрдо решил взять миллион, который давали ей как молодому специалисту, если она отработает 3 года здесь. Она убедила его, что ей эта работа в сельской глубинке, на селе, на земле, в медпункте, а точнее во врачебной амбулатории, очень и очень необходима. Это ради собственного лекарского опыта поработать самостоятельно, на селе. Её, тогда ещё молодой человек, и уже крепко намечавшийся жених, это скумекал не сразу. Ради прогрессивного клинического опыта у неё, будущей жены он тоже решил подождать немного у судьбы. И вот она теперь понимала, что и ему нужно дать эту возможность, здесь организовать своё Я.

Она не противоречила его замыслу, пусть делает, как решил. Группу же он создал, набрал ребят, он знает, как это делать. Пусть, пусть пробует. Звонит, договаривается, пусть приезжают. И скрасит здесь её однообразные охи и ахи. Пусть, пусть затевает и варит свою концертную программу.

Как-то вечером после ужина он стал просить о помощи свою супругу. Оказывается, Сила упрашивал одного скотника приводить его сына на свои занятия музыкой. Сила как-то сказал Снежане, что нашёл одного пацанёнка с чудным голосом. Только не знает, есть у него музыкальные данные или нет. А вот речь его очень красива. Он тут как-то с ребятами гонял в футбол, и заметил этого пацана, точнее услышал его, пояснял он её.

– Он во время игры заворожил меня своим голосом. Я стал упрашивать его отца, чтобы мальчишка стал ходить к нему на уроки. А отец ни в какую: «Какой из него музыкант? Пусть вон девчонки ходят, а не пацан. Пацану вон трактор, машину знать надо. А песенки петь это...» – говорил этот мужичок.

– Он ведь не понимает, что музицирование помогает развитию структурного мышления. А на западе многие крепкие фирмы берут к себе людей, имеющих музыкальное образование. Так как музицирование, особенно оркестровое, хоровое, ансамблевое развивает такие качества, как доносить друг до друга характер, манеру музыки, а это помогает ориентироваться в психологических качествах – помнить о прошлом, смотреть в будущее, контролировать настоящее. ... А эти качества очень необходимы именно менеджерам. Я талдычу ему об этом. А его отец ни в какую.

– Ну, тебе же библиотекарь сказала, село без музыкальных традиций! Что ты хочешь? Без традиций! – напомнила она в очередной раз ему.

– Да, это верно. Традиции ансамбля, собранного тем рабочим, это точно не традиции.

– Ну да, сыграли несколько раз на свадьбе, на местном концерте по случаю окончания осени спели несколько песен.

– Да чего там. Я добьюсь, чтобы пацан походил ко мне на занятия. Конечно, от футбола его не отвлечь. Всё-таки ребята должны физически развиваться. Но нужно как-то затащить на пару раз... на репетиции, посмотреть его музыкальные способности, – сокрушался Сила.

– А ты вон девчонок подговори, они и помогут привести его, – подсказала она ему.

– А это мысль!

– А у него на самом деле есть голос?! – спросила Снежана супруга.

– Да не голос. У него что-то музыкально-обворожительное в его обычном голосе. Вот они там, когда играют в футбол, там кричат, просят, указывают. И он тоже и в этом деле участвует, что-то такое произносит. Я ощущаю это на подсознательном уровне.

– Сколько ему лет?

– Не знаю, лет десять-двенадцать. А что?

– Значит, ещё не подростковый возраст. У подростков имеется биологическая потребность самовыражаться в пении. Вокруг поющего и играющего на каком-нибудь музыкальном инструменте парня всегда собираются девчонки.

– Я подходил к его отцу, просил привести, – продолжал Сила. – Он ни в какую.

– А с матерью говорил?

– Да что мать! Отец ведь в семье начальник, – сетовал Сила.

– Ну-ну, – она уткнулась губами в его голову, вдыхая его аромат, и взбивая его волосы в вихри. А сама подумала: «Ну, ты же за мной поехал сюда». Но вслух ничего не произнесла.

– Я ему объясняю, что занятие музыкой развивает математические и организаторские способности, что это – своеобразный способ общения с другими людьми. А он, ни в какую, – всё сокрушался Сила.

– Да придёт, придёт он к тебе. Ты только не кипятись, – успокаивала его жена.

Они уже спали, когда зазвонил телефон. Сквозь сон он слышал, как в динамике кто-то сказал:

– Снежана Оттобальдовна, здесь нужна Ваша помощь!

Он ощутил, как жена выскользнула из-под одеяла, включила свет в коридоре и, кажется, стала одевать. Он спросил:

– Ты опять куда-то? – и провалился в сон. Она что-то ответила не то ему, не то по телефону.

Сила случайно узнал, что в селе в одной семье есть пианино. Его познакомили с одним сельчанином предпенсионного возраста. И тот подтвердил, что в его доме есть музыкальный инструмент.

– Да, у нас есть инструмент. Я его для дочки из Пензы привёз, жена заставила купить, она хотела, чтобы наша Татьяна училась музыке. И я на отцовском «Москвиче» дочь возил в музыкальную школу в райцентр Лопатино. Она её окончила. Вот дома она разучивала домашние задания. У нас в селе никогда не было профессиональных учителей музыки. В райцентре музыкальная школа была. ... Как я этот инструмент из области доставлял! «Ласточка», так она называется, кажется.

Они вошли в дом. Хозяин позвал жену. Она вышла из кухни.

– Принимай гостей! Вот хочет Танькино пианино посмотреть, покажи, – сказал он ей.

– Ой, проходите, – она узнала мужа докторши.

Сила прошёл в комнату, увидел завешанное красно-коричневое пианино. Наверху на вязанных в крупную сетку салфетках стояли фигурки из фаянса.

– Можно? – он попросил дотронуться до инструмента. Хозяйка разрешила, внимательно следя за его действиями. Он подошёл, открыл крышку, прикрывавшую клавиши. «Ласточка» было написано золотым курсивом. Нажал на одну клавишу, затем на другую, прислушиваясь к извлекаемым звукам. – Можно стульчик? – попросил он хозяев. Те быстро подставили ему крутящийся стульчик.

Он сел и начал проигрывать небольшие темы, пробуя звуки от низких до высоких.

– Ну что? Как? – спросил хозяин.

– Да ничего. Конечно, оно расстроено, поднастроить бы его. А так вроде бы не плохой инструмент, – пояснил он хозяевам, продолжая наигрывать мелодии. – Вы не «против» будете, если я его возьму на одно мероприятие? Обещаю вернуть после концерта, – спросил он хозяев. Те переглянулись. – Пианино не покинет село. Концерт будет здесь. Заодно мы его настроим?

– А Вы хотите концерт устроить? – хозяйка вопросительно взглянула на мужа.

– Да, имеется одна идея. Пригласить друзей музыкантов и устроить джейм-сейшен.

– Что? Простите, мы не понимаем, что это джем... как дальше?

– Ну, просто неформальный концерт. Я привезу специалиста, он настроит инструмент. И после концерта мы вернём Вам его в целости и сохранности, – после этих слов он начал играть на инструменте, разминая руки.

Он вышел от сельчан, довольный таким поворотом события. Село, никогда не имевшее музыкальных традиций, преподносило ему приятные сюрпризы один за другим.

Выйдя от хозяев, он тут же набрал на мобильном телефоне номер своего друга, клавишника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.